

Къ реформѣ дѣтскихъ пріютовъ.

«Самымъ вѣрнымъ путемъ къ проведенію реформъ является сильное возмущеніе общества существующимъ неустройствомъ». Если вѣрна мысль, выраженная въ этихъ словахъ Эллень Кей, то реформа организаціи дѣтской помощи неизбежна въ ближайшемъ будущемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе буквально всѣхъ слоевъ общества къ существующей системѣ настолько рѣзко и глубоко отрицательно, что приходится только удивляться, какимъ образомъ пожертвованія все еще продолжаютъ наполнять кассы благотворительныхъ учреждений. И больше, и ярче всего сознаютъ необходимость коренной реформы, конечно, лица, близко стоящія къ дѣлу.

Какое направленіе приметъ эта реформа?

Насколько можно судить и по текущей литературѣ, и по бесѣдамъ, которыя мнѣ пришлось вести, большинство работающихъ на поприщѣ дѣтской помощи склоняется къ окончательному переходу на путь, избранный въ давномъ вопросѣ Западной Европой, — къ рѣшительному преобладанію «открытаго призрѣнія» надъ системой закрытыхъ пріютовъ.

Не задаваясь цѣлью подробной оцѣнки системы открытаго призрѣнія и причинъ, которымъ она обязана своимъ широкимъ распространеніемъ въ Англіи, Германіи, Соединенныхъ Штатахъ, я не могу, однако, не намѣтить въ общихъ чертахъ тѣхъ основаній, по которымъ въ настоящее время она представляется у насъ совершенно не соотвѣтственной цѣлямъ, преслѣдуемымъ дѣтской помощью. Я, не колеблясь, высказываюсь за сохраненіе системы закрытыхъ пріютовъ, хотя послѣ двѣнадцатилѣтняго опыта, мнѣ близко, слишкомъ близко извѣстны темныя стороны «сиротскихъ домовъ».

Три основныхъ задачи принимаетъ на себя дѣтская помощь: 1) дать ребенку нужную для жизни физическую крѣпость и здоровье, 2) дать

ему необходимую техническую (профессиональную и научную) подготовку, вооружить его для жизни, сдѣлать его *мастеромъ* и 3-я главная задача, «сдѣлать его *человѣкомъ*», по выраженію Русселя,—т. е. воспитать его.

Сторонники «открытаго призрѣнія» предполагаютъ, что легче и лучше всего можетъ выполнить эти три задачи,—особенно послѣднюю—семья родная или, въ худшемъ случаѣ, пріемная, которая за извѣстную плату принимаетъ ребенка.

Это было бы справедливо до нѣкоторой степени, если бы дѣло шло только о *содержаніи* ребенка, о его спасеніи отъ голодной смерти. Говорю,—до нѣкоторой степени, такъ какъ гдѣ гарантія, что ежемѣсячная «пенсія» ребенка не будетъ прожигаться или расходоваться не по назначенію, а ребенокъ по прежнему будетъ голодать и холодать? Никакой инспекціей, никакой системой надзора нельзя установить наблюденія за правильностію расходованія выдаваемыхъ пособій. И, зная это, какая масса падкихъ до дарового, легкаго куска поднимется «со дна» и какъ трудно будетъ разобраться, кому дѣйствительно нужно оказать помощь. Несомнѣнно, при пріемахъ въ пріюты насъ также часто обманываютъ и мы часто закрываемъ двери передъ дѣйствительной нуждой, пропуская болѣе ловкихъ «бѣдныхъ», но на принятомъ ребенкѣ наша ошибка не отражается.

Все же однимъ спасеннымъ для жизни становится больше: нужды нѣтъ, что этимъ мы оказали услугу не честному труженику, а недостойному помощи челоѣку! Если же мы выдаемъ пособіе, то рискуемъ обратить нашу помощь только на этихъ недостойныхъ людей, не давъ ничего ребенку. Развѣ мало примѣровъ этому и въ западно-европейской благотворительности и у насъ!

Такъ, пособія, выдаваемые воспитательнымъ домомъ тѣмъ матерямъ, которыя сами хотятъ выкормить своихъ *незаконныхъ* дѣтей, — это гуманное и доброе желаніе облегчить участь тѣхъ и другихъ и содѣйствовать уменьшенію дѣтской смертности, привело къ тому, что многія женщины идутъ на развратъ, чтобы имѣть ребенка и получать деньги на его содержаніе; когда пенсія кончается, ребенокъ при содѣйствіи матери обыкновенно умираетъ отъ простуды или голода, а у матери черезъ годъ опять ребенокъ—не долговѣчный, но вѣрный источникъ дохода...

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы будемъ имѣть дѣло съ родителями безусловно честными, искренно желающими исполнить свой долгъ по отношенію къ дѣтямъ,—въ состояніи ли будутъ они это

сдѣлать? Вѣдь, принимая дѣтей въ пріюты, мы спасаемъ ихъ прежде всего отъ той обстановки, которая грозитъ имъ гибелью. Можетъ ли субсидія, тѣмъ болѣе обычная грошевая субсидія,—измѣнить эту обстановку, сдѣлать чище, свѣтлѣе и суше подвалъ, въ которомъ ютится «призрѣваемая» семья. Правда, голодать быть можетъ будутъ меньше... но вѣдь только меньше... И у кого хватитъ духа обвинять родителей за то, что деньги, ассигнованныя исключительно на питаніе ребенка, они употребятъ на какую нибудь другую неотложную домашнюю нужду? А этихъ нуждъ такъ много... Распредѣленная на всѣхъ членовъ семьи, ничтожная сумма пособія не произведетъ осолобого измѣненія въ образъ жизни, и по прежнему безотрадной чередой будутъ тянуться голодные и холодные дни...

Напомнимъ о тѣхъ своеобразныхъ понятіяхъ о гигиенѣ и правилахъ питанія, которыя до сихъ поръ господствуютъ среди низшихъ классовъ, о всѣхъ этихъ «пивкахъ», «мертвечинахъ», и т. п., поставившихъ Россію на первое мѣсто по смертности дѣтей—и кажется станетъ неоспоримо яснымъ, что даже простѣйшая изъ намѣченныхъ мною задачъ не можетъ быть разрѣшена въ обычной обстановкѣ нашихъ бѣднѣйшихъ классовъ.

Пойдемъ дальше. Общеизвѣстна система «технической подготовки» дѣтей, созданная все тѣмъ же безпросвѣтнымъ мракомъ подваловъ, система пресловутаго «ученія», долгихъ лѣтъ подаванія утюговъ, бѣганія съ заказами, за покупками, и едва ли не чаще—за водкой... Или фабрика въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, гдѣ неокрѣпшій организмъ быстро истощается не дѣтскимъ трудомъ... Система, противъ которой безсильны всякіе законы по охранѣ дѣтскаго труда, такъ какъ создана она самой жизнью и потому непобѣдима. Пока бѣдность будетъ создавать «лишніе рты», эти лишніе рты будутъ сбываться съ рукъ, «пристраиваться къ дѣлу» при первой возможности. Но главная бѣда не въ томъ, что на полученіе необходимыхъ ремесленныхъ знаній и сноровки тратится въ двадцать разъ больше времени, чѣмъ понадобилось бы при рациональной подготовкѣ,—бѣда въ томъ, что для прошедшаго эту школу навсегда дѣлается недоступнымъ понятіе о трудѣ, какъ радости и смыслѣ жизни. Онъ становится для ребенка докучной и тяжелой необходимостью, и такъ и остается до конца жизни неизбѣжнымъ и неотвратимымъ проклятіемъ обездоленныхъ. И потому такъ легко мѣняется верстаки на босицкое приволье, мастерская... даже на вертепъ. Есть трудовая сноровка, нѣтъ трудового воспитанія.

«Безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя входить человѣку въ жизнь, безъ зачатковъ положительнаго и прекраснаго нельзя пускать поколѣніе въ путь». Можетъ ли дать ребенку эти зачатки среда, въ которую помѣщаетъ его открытое призрѣніе? Если, даже изъясвъ ребенка изъ этой среды, мы зачастую не въ силахъ бываемъ сгладить черты порочности, созданныя ею, то развѣ есть малѣйшая надежда, что съ этой задачей справятся тамъ, въ той самой атмосферѣ, съ ядомъ которой приходится бороться; что исправятся люди, выросшіе въ той же обстановкѣ, носящіе въ себѣ ту же отраву. Кому приходилось сталкиваться съ людьми «изъ низовъ», тотъ знаетъ, какія воззрѣнія на жизнь, какой взглядъ на воспитаніе дѣтей выработала тамъ вѣчная и неудачная борьба за существованіе, вѣчная погоня за коркой черстваго хлѣба. Истиннымъ воспитателемъ ребенка является днемъ улица, а ночью «уголь», занимаемый семьей, и не нужно обладать особой проницательностью, чтобы угадать, какіе зачатки положительнаго и прекраснаго» можетъ дать это воспитаніе..

Но намъ говорятъ, что всѣ неудобства искупаются однимъ огромнымъ и незамѣнимымъ преимуществомъ:—ребенокъ растетъ въ естественной обстановкѣ семьи, и, прежде всего, не лишенъ теплой материнской ласки. И, какъ ни темна была жизнь вокругъ, въ душѣ его зажжется отъ любви матери маленькій огонекъ, единственный способный освѣтить ожидающую его—пусть безотрадную жизнь. Онъ не зачерствѣетъ, никогда не можетъ зачерствѣть. На этомъ именно пунктѣ особенно настаиваютъ сторонники открытаго призрѣнія.

«Морально мы крайне заинтересованы въ томъ, чтобы воспрепятствовать раздѣленію матери и ребенка, лишаящему ребенка материнской любви», пишетъ Н. Morniez въ *Revue Philanthropique* (10 nov. 1902).— «Настанетъ день, когда мы будемъ считать предосудительнымъ отнимать ребенка у хорошей матери, отдавать его въ сиротскій домъ, а мать помѣщать куда нибудь въ услуженіе... Мы будемъ считать такой поступокъ столь же предосудительнымъ, какъ какое нибудь дѣло мрачнаго средневѣковья»,—говорилъ первый секретеръ Indiana Board of State Charities, Джаксонъ, на четырнадцатомъ State Conference въ октябрѣ 1905 г. Я раздѣляю эту надежду и радостно буду приветствовать этотъ день: но онъ наступитъ только тогда, когда матери будутъ не только *хотѣть*, но будутъ *въ состояніи* воспитывать своихъ дѣтей; другими словами, когда всѣ причины, перечисленныя выше, отойдутъ далеко въ область преданія, «какъ дѣла мрачнаго средневѣковья».

До тѣхъ же поръ, пока условія жизни, пока уровень развитія бѣднѣйшихъ классовъ таковъ, какъ въ настоящее время; пока семья, та самая семья, въ обстановкѣ которой мы хотѣли бы воспитывать ребенка,—находится въ нынѣшнемъ состояніи полного разложенія, вызваннаго все тѣми же причинами,—долгъ болѣе счастливыхъ взять на свои плечи трудъ воспитанія, непосильный для матерей бѣднѣйшихъ классовъ. Поэтому мнѣ кажутся недостигающими цѣли даже такія учрежденія, какъ приютъ братьевъ Ляпиныхъ въ Москвѣ, призрѣвающій ребенка вмѣстѣ съ матерью. Принимая такую систему, мы расширяемъ сферу благотворенія, переносимъ ее съ ребенка на всю семью, и не только не облегчаемъ себѣ задачу воспитанія, но и усложняемъ ее: можно ждать ежечаснаго вмѣшательства матери,—вмѣшательства, болѣею частію неразумнаго и вносящаго въ душу ребенка разладъ и тревогу. Каждому, кому приходилось вести приютъ, хорошо извѣстно, какъ сплосъ и рядомъ вредно отзываются на воспитанникахъ даже простыя свиданія съ матерями, взгляды которыхъ обычно рѣзко отличаются отъ взглядовъ руководителей дѣтей. Кромѣ того, такое расширение не можетъ соотвѣтственно не уменьшить числа призрѣваемыхъ дѣтей, а средства, которыми располагаютъ общества, обыкновенно болѣе, чѣмъ скудны. И потому не лучше ли ограничить область призрѣнія одними дѣтьми?

Лишить ребенка материнской любви, оторвать его отъ матери... Да, это тяжело, это можетъ сдѣлать черствымъ его маленькое сердце. Но развѣ замѣнить эту любовь нечѣмъ?

Материнская любовь—великое и святое дѣло, но она не все. Есть любовь выше и чище ея, та любовь, во имя которой, по слову Евангелія, «отвергнетъ человекъ отца своего и мать свою, и грядетъ»... туда, куда зоветъ его эта высшая и чистая любовь—любовь къ людямъ. Вѣдь и материнская родственная любовь нужна лишь ватѣмъ, чтобы быть зачаткомъ той другой высшей любви; и тѣ, кто проникнуты этой любовью, по свидѣтельству Христа, «замѣняютъ людямъ брата, сестру и *матерь*».

Но въ обычной обстановкѣ жизни обездоленныхъ, гдѣ въ каждомъ человекѣ чудится врагъ въ отчаянной борьбѣ за существованіе—нѣтъ данныхъ для развитія любви къ людямъ; въ лучшемъ случаѣ чувство общности несчастія, чувство взаимной поддержки—все элементы той же любви, но любви темной, любви, лишенной радостнаго свѣта, любви злобной, если можно такъ выразиться. Такъ какъ она заботится только объ однихъ—и ненавидитъ другихъ: рѣзко прола-

гають чуть не съ первыхъ дней дѣтства грань между «своими» и «чужими».

И, отвлечено, теоретически, развѣ не могли, не должны были бы пріюты явиться такой великой школой любви: пріюты, въ которыхъ собираются дѣти—братья не по происхожденію, а по жизни, и гдѣ личнымъ трудомъ или средствами приходятъ имъ на помощь другіе люди, тѣ самые, которыхъ они привыкли считать чужими. Развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ не могли бы дѣти здѣсь, въ пріютахъ, найти то, чего не можетъ имъ дать жизнь «на двѣ»—здоровье, крѣпость и знанія? Да, теоретически это возможно... но въ жизни...

Надо сознаться, что если въ теоріи все, кажется, говорить за пріюты,—въ жизни много, слишкомъ много доводовъ могутъ найти сторонники «открытаго призрѣнія». Ибо нигдѣ, быть можетъ, теорія такъ не расходится съ практикой, какъ въ области пріютской дѣятельности...

«Питомцы сиротскаго дома не сходятся съ другими дѣтьми,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ къ французскому закону 1904 года о призрѣніи дѣтей—они только живутъ другъ съ другомъ... Отсутствуетъ чувство сплоченности... Ребенокъ былъ одинокъ, когда вступалъ въ учрежденіе—одинокимъ и покидаетъ его».

Эти слова, къ несчастью, примѣнимы къ огромному большинству и нашихъ сиротскихъ домовъ и пріютовъ. Даже въ отчетахъ учреждений, руководимыхъ лицами, составившими себѣ широкую извѣстность въ средѣ «благотворительной», мы находимъ признаніе, что «безотрадное прошлое, забитость, ранняя болѣзненность, а иногда и наслѣдственность оставили роковые слѣды», сгладить которые не удалось.

Даютъ ли пріюты нравственную устойчивость, западаютъ ли тамъ въ вѣтскую душу сѣмена добрыхъ, дающія всходы добрые? Хорошимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ послужить цифры статистики преступленій и проституціи—тотъ огромный процентъ «пріютскихъ», которыхъ мы видимъ и на скамьѣ подсудимыхъ, и на койкахъ Калининской больницы.

Даютъ ли пріюты необходимую техническую подготовку, знанія, мастерство? И здѣсь приходится отвѣтить уклончиво. Теоретическія знанія они, разумѣется, могутъ дать, но не даютъ хорошихъ работниковъ и работницъ. «Мало самостоятельности, пишетъ въ своемъ отчетѣ одна изъ завѣдующихъ, на попытки вызвать къ самостоятельности отзываются слабо. Къ работѣ добросовѣстное прилежаніе,

но по духу—вялое и тупое». И если прибавить къ этому, что въ результатѣ пріютскаго воспитанія являются обычно «полубарышнии», то станетъ понятно, почему «*пріютскія*» пользуются такой печальной репутацией. Мнѣ лично приходилось не разъ слышать отъ портнихъ, что онѣ предпочтутъ взять самую простую неученую швею, начавшую съ «побѣгушекъ», чѣмъ окончившую пріютъ съ дипломомъ на портниху, такъ какъ у послѣдней обыкновенно нѣтъ ни выдержки, ни любви къ труду, ни сноровки, вырабатываемой практикой.

Въ конторахъ для найма прислуги на требованія очень часто приходится встрѣчать характерную приписку: «только не присылайте пріютскихъ».

Даже въ области физическаго воспитанія немногіе пріюты могутъ похвастаться раціональной постановкой дѣла, нерѣдко, правда, просто по недостатку средствъ. Но и здѣсь, часто, отсталость развитія, худосочіе зависитъ не столько отъ недоѣданія, скудной и плохой пищи, низкихъ и темныхъ комнатъ, сколько отъ гнета пріютскаго режима, отъ безрадостной пріютской жизни. Гибельно отзывается на развитіи ребенка, какъ физическомъ, такъ и нравственномъ, никогда не покидающее его сознаніе, что онъ «казенный», что онъ «призрѣваемый»,—что-то жалкое, существующее только изъ милости. Сознаніе, сплошь и рядомъ усиленно культивируемое полуграмотными надзирательницами и пріютской прислугой, поддерживаемое посѣщеніями «благотворительницъ».

Такова неприглядная картина дѣйствительности.

Но всѣ эти недостатки, дѣлающіе на первый взглядъ пріюты величайшимъ зломъ, не представляютъ собой чего либо неискоренимаго, органически связаннаго съ самой системой. Если-бы это было такъ, то несомнѣнно—изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее, и лучше ужъ «открытое призрѣніе», гдѣ все-таки больше шансовъ, что изъ ребенка выйдетъ человекъ, чѣмъ въ безпросвѣтномъ пріютскомъ туманѣ.

Но попробуемъ разобраться въ немъ, и мы увидимъ, что дѣло не такъ ужъ безнадежно. И вовсе не такъ ужъ трудно устранить современные недостатки, или, вѣрнѣе, недостатковъ, такъ какъ, строго говоря, коренной недостатокъ только одинъ—*система* пріютскаго воспитанія, все остальное его прямое слѣдствіе.

Мнѣ неачѣмъ указывать, насколько тяжелой и сложной представляется въ пріютахъ—и безъ того сложная и нелегкая задача воспитанія. Рѣдкій ребенокъ изъ числа принимаемыхъ въ пріютъ

не несетъ въ себѣ задатковъ физическаго и нравственнаго вырожденія. Золотуха, рахитъ, истерія, эпилепсія, сомнамбулизмъ — привычныя явленія въ мірѣ физическомъ—а въ мірѣ духовномъ извращенія всякаго рода, слѣдствія ранняго «познанія жизни», которымъ отмѣчены иногда дѣти 4—5 лѣтъ.

Скопленіе дѣтей содѣйствуетъ быстрому распространенію нравственной заразы даже на случайно оказавшихся здоровыми... Боязнъ этой передачи ведетъ во многихъ случаяхъ къ особо тщательному приему—къ своего рода «благотворительному отбору». Слишкомъ легко записываютъ дѣтей въ дегенераты, мѣсто которымъ въ специальныхъ заведеніяхъ, и на этомъ основаніи удаляютъ ихъ изъ приюта. Но случаи дѣйствительной дегенерации въ общемъ не такъ ужъ часты. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло просто съ «физиологической отсталостью»,—слѣдствіемъ дурнаго питанія; обильная здоровая пища и гигиена быстро могутъ поправить дѣло; въ области же духовной незначѣмъ даже прибѣгать къ медико-педагогическимъ методамъ Seguin, Bournevill'я и т. п. (хотя знаніе ихъ и можетъ пригодиться въ практикѣ нашихъ приютовъ)—достаточно одного заботливаго и внимательнаго ухода за душой ребенка.

Но для такого ухода требуется соотвѣтствующій составъ воспитателей. Ихъ-то обычно и нѣтъ.

На содержаніе воспитательнаго персонала ассигнуются приютами обыкновенно ничтожныя суммы; размѣры жалованья таковы, что на мѣста завѣдующихъ идутъ только тѣ, кому некуда дѣваться, кто другимъ путемъ не можетъ себѣ заработать кусокъ хлѣба. Ясно, что, давая мало, нельзя требовать многого. И на практикѣ исполнѣ понятны случаи такого рода: одна извѣстная благотворительница узнала благодаря счастливой случайности, что въ ея приютѣ (находящемся на окраинѣ города) дѣтей зимою укладываютъ спать въ 4 часа дня, чтобы не жечь керосину, который однако ставился въ счетъ. Она была крайне огорчена этимъ открытіемъ, но нашла это понятнымъ: «надзирательница получаетъ всего 20 рублей въ мѣсяцъ—должна-же она на чемъ нибудь наживаться».

Такой порядокъ объясняется отчасти обычной скудостью бюджета, иногда же отрицаніемъ необходимости воспитанія и развитія (какъ ни странно, но приходится—и не такъ рѣдко—слышать: «зачѣмъ это будущей кухаркѣ или швеѣ»), чаще же всего—тѣмъ, что обязанности воспитательницъ принимаютъ на себя любители благотворенія изъ числа членовъ того или другого благотворительнаго общества. Въ

этихъ «любителейхъ» одно изъ главныхъ несчастій нашихъ приютовъ.

Основа всякаго воспитанія—любовь. Но тысячу разъ правъ былъ Л. Толстой, когда писалъ: «проявленіе чувства любви невозможно для людей, не понимающихъ смысла своей жизни». Эта истина начинается по немногу проникать въ сознаніе, и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ уже не допускаются къ «педагогической дѣятельности» дилетантки благотворительности. Надо обладать большими средствами и достаточнымъ запасомъ гражданскаго мужества, чтобы рѣшиться на подобный запретъ, такъ какъ въ рѣдкихъ случаяхъ онъ не отзовется на бюджетъ приюта, потому что для сбора пожертвованій это драгоцѣнный элементъ.

Сильнымъ вліяніемъ дилетантовъ благотворителей объясняется и шаблонъ образцовыхъ приютовъ и образцовыхъ питомцевъ.

Показная сторона играетъ рѣшающую роль. Характерно признаніе одной изъ нашихъ извѣстныхъ благотворительницъ, что прежде чѣмъ завести чистое бѣлье дѣтѣмъ, она завела чистое платье... «Дѣти переодѣвались только наружно и черная полоска ихъ нижней одежды подчеркивала половинную помощь въ одеждѣ»... Въ этихъ строкахъ кроется, по моему, глубокій трагизмъ...

Въ жертву этой внѣшности, «красивости» приюта и «красивости» отчета приносятся нерѣдко насущные интересы дѣтей. Мнѣ помнится, какъ на засѣданіи одного общества выяснилось, что рассылаемое бѣднымъ дѣтямъ молоко никогда не доставлялось той-же семьѣ больше 5 недѣль: на замѣчаніе одного изъ присутствовавшихъ, что было бы, пожалуй, полезнѣе посылать немногимъ, но круглый годъ, послѣдовалъ отвѣтъ: «что вы, что вы, да вѣдь тогда въ отчетѣ стояло-бы, что молоко посылалось только 100 дѣтямъ, а такъ ихъ наберется 1100». Ахъ, и когда вспомнишь, насколько зависитъ финансовая сторона дѣла отъ степени успѣха приюта или отчета у публики,—право, языкъ не повернется осуждать за это: не будетъ «красивости», не будетъ и денегъ.

Созданіе «образцовыхъ» питомицъ путемъ тѣхъ педагогическихъ приемовъ, которые имѣются въ распоряженіи теперешняго воспитательнаго персонала, приводитъ къ образованію той сѣрой, безличной и безнадежной унылой приютской массы, которую мы видимъ. Невольно припоминается на рѣдкость удачная характеристика, данная приютской воспитанницѣ однимъ изъ нашихъ писателей-теоретиковъ трудовой помощи: «средне человѣческое существо, подгоняемое подъ одну сред-

ною мѣрку, оцѣниваемое по одинаковому масштабу, даже содержимое, вскармливаемое по средней «нормѣ».

Жизни нѣтъ въ пріютахъ—гдѣ все, начиная съ дортуаровъ, формы и до послѣдней мелочи режима—далеко отъ жизни. Напрасно стали бы мы искать въ ней необходимой для воспитанія атмосферы—атмосферы трудовой семьи.

Но возможно ли вообще созданіе такой атмосферы? Я увѣрена, что да. Эту увѣренность я почерпаю изъ личнаго опыта шестилѣтней работы въ моемъ пріютѣ. И путь къ созданію этой атмосферы въ значительной степени указанъ мнѣ самими-же дѣтьми. Поэтому мнѣ кажется не лишнимъ разсказать въ краткихъ словахъ, какъ складывалась постепенно жизнь въ моемъ пріютѣ, какъ вырабатывались ея нормы. Пусть это послужитъ предисловіемъ къ той схемѣ организаціи пріютовъ, которую въ дальнѣйшемъ я предложу вниманію и критикѣ читателей.

Я начинала мое дѣло уже умудренная до извѣстной степени опытомъ работы въ благотворительныхъ учрежденіяхъ разнаго типа. Мало положительныхъ данныхъ давалъ мнѣ этотъ опытъ; но широкихъ цѣлей я себя не ставила: дать здоровье и по возможности хоть немного счастья тѣмъ немногимъ дѣвочкамъ, которыхъ я могла пріютить, не прибѣгая къ сложнымъ операціямъ «выработки» и утвержденія устава, «уловленію» членовъ и жертвователей и т. д., и т. д.

Къ большой моей радости дѣло наладилось довольно быстро: достаточно было, близко ознакомившись съ характеромъ дѣтей и прошлымъ ихъ, (въ которомъ всегда находится рядъ руководящихъ указаній для воспитателя), жить съ ними общей жизнью, входя въ ихъ маленькіе интересы, по возможности отзываясь на каждое движеніе ихъ просыпающейся души. Простой теплоты отношенія было достаточно, чтобы установить между нами ту душевную связь, безъ которой нельзя мечтать о какомъ либо нравственномъ воздѣйствіи на воспитанниковъ. И когда въ 1902 году я устроила лѣтнюю колонію на 17 человѣкъ, связь вновь прибывшихъ дѣтей со мной, конечно не безъ вліянія прежнихъ моихъ питомицъ, установилась уже быстро и естественно. При этихъ условіяхъ работа надъ дѣтьми была относительно легкой и дала результаты даже большіе, чѣмъ я могла надѣяться: дѣти стали откровеннѣе, въ нихъ проявилась извѣстная вдумчивость, извѣстный интересъ къ окружающей жизни, они оживились...

Общій фонъ, такимъ образомъ, сталъ, какъ будто, свѣтлѣе, но тѣмъ ярче выступили на немъ тѣ коренные, глубоко гнѣздящіеся, недостатки, съ которыми мнѣ предстояла борьба: глубочайшее равнодушіе дѣтей другъ къ другу, нѣчто въ родѣ отвращенія къ домашнимъ работамъ и вообще хоть сколько нибудь правильному труду, и, наконецъ, при всей, можно сказать, любовности отношеній ко мнѣ лично—какое-то пренебреженіе къ самому пріюту, выражавшееся, прежде всего, въ поразительной небрежности къ пріютскому убогому имуществу, которое на ихъ языкѣ характерно называлось «казеннымъ».

Въ теченіе трехъ лѣтъ я боролась, какъ могла, съ этими недостатками, ибо существованіе ихъ портило все дѣло, но ни одинъ изъ примѣненныхъ мною способовъ не далъ хорошихъ результатовъ, и только совершенно случайное обстоятельство помогло мнѣ выйти, наконецъ, на настоящую дорогу.

На третій годъ существованія колонія была рассчитана на 26 человѣкъ, но я приняла шесть лишнихъ, и вынуждена была взять переводы, чтобы пополнить недостававшую по смѣтѣ сумму.

Переѣхавъ на дачу, я собрала дѣтей и рассказала имъ, какъ у меня не хватило духу оставить этихъ «лишнихъ» въ городѣ, хотя денегъ у меня на нихъ не достаетъ. Ихъ надо заработать. И вотъ—я буду для этого писать переводы, а часть можно взять изъ тѣхъ денегъ, которыя у насъ есть, если мы будемъ вести хозяйство экономно: пусть объ этомъ подумаютъ дѣвочки, когда будутъ хозяйничать; пусть помогутъ мнѣ тѣмъ, что будутъ прилежно работать, присматривать другъ за другомъ, хорошо себя вести, чтобы у меня нѣсколько часовъ въ день оставалось свободныхъ для моей работы.

Дѣти страшно оживились, дали торжественное обѣщаніе мнѣ помогать и, дѣйствительно, все лѣто вели себя безукоризненно. Вѣроятно, вспомнились имъ голодъ и холодъ ихъ прежней жизни, и мысль, что ихъ трудомъ оторваны будутъ отъ этой жизни еще нѣсколько дѣвочекъ—и такихъ несчастныхъ!—дала совершенно новый смыслъ ихъ повседневнымъ занятіямъ.

Трудъ получалъ ясный, понятный, близкій имъ смыслъ, котораго не могли дать никакія разсужденія и наставленія. И, какъ всегда бываетъ, эти дѣти, для блага которыхъ онѣ трудились, стали имъ близкими и дорогими. И вмѣстѣ съ ними стали близки и дороги тѣ, кто работалъ съ ними для этой общей цѣли. Такъ создалось настроеніе, которое уже не трудно было использовать: обобщая этотъ случай, можно было говорить о «ближнемъ», о людяхъ, о нашемъ долгѣ

по отношенію къ нимъ и къ самимъ себѣ—не рискуя, какъ раньше, остаться непонятой.

Дѣти *переживали* это, принимали эти бесѣды не умомъ, а ловили ихъ чуткой, раскрывающейся душой. И съ этого дня пріютъ точно переродился. Слово «казенный» исчезло изъ обихода. Стремленіе къ «экономіи» пришлось сдерживать, такъ какъ дѣти склонны были принимать самыя героическія рѣшенія въ этой области. Единогласно постановлено было пить чай безъ сахару; въ кисели стали класть меньше сахарнаго песку, въ меню введены были въ широкихъ размѣрахъ супы и кисели изъ ягодъ, которыхъ было много въ окрестныхъ лѣсахъ, куда дѣти стали ежедневно совершать настоящіе набѣги: и весь сборъ приносился домой, до ягодки... Раньше мнѣ съ большимъ трудомъ приходилось пріучать дѣтей ходить босикомъ: имъ было непріятно ходить, «какъ деревенскія»... Теперь же, безо всякихъ намековъ съ моей стороны сапоги были сложены въ ящики «для экономіи». И такъ, во всемъ.

И какъ трогательны были дѣти, когда я приходила со своимъ писаньемъ къ нимъ за общій рабочій столъ: онѣ сидѣли такъ тихо, что ихъ присутствіе совсѣмъ не было замѣтно, даже самыя маленькія, обычно подымавшія неистовую возню, старались не мѣшать и ходили на цыпочкахъ...

Съ тѣхъ поръ нашъ пріютъ сталъ большой семьей. Въ веденіи дѣла принимаютъ участіе всѣ—отъ мала до велика: и въ работѣ по пріюту, и въ обсужденіи всякихъ пріютскихъ дѣлъ—до общаго направленія дѣла включительно. И даже когда населеніе нашей «общины» возросло до 40 человѣкъ, которыхъ я могла воспитывать, благодаря отзывчивости окружающихъ (составившихъ общество попеченія объ Ольгинскомъ дѣтскомъ пріютѣ трудолюбія въ С.-Петербурѣ),—принципъ остался тотъ же, только вмѣсто одной «семьи» пріютъ разбился на нѣсколько. Каждая помѣщается въ отдѣльной комнатѣ и состоитъ изъ 8—10 дѣвочекъ различнаго возраста: отъ 1½ лѣтъ до 16-лѣтнихъ. Во главѣ такой семьи стоитъ «старшая»—14—16 лѣтъ, которая ведетъ всѣ дѣла семьи, слѣдитъ за порядкомъ общей комнаты, за одеждой, приготовленіемъ уроковъ и поведеніемъ младшихъ. Среднія по мѣрѣ силъ помогаютъ имъ, убираютъ комнаты, топятъ печи, моютъ посуду, одѣваютъ и играютъ съ маленькими. Всѣ домашнія работы лежатъ на самихъ дѣтяхъ: прислуги въ пріютѣ нѣтъ.

Эти работы распредѣляются согласно способностямъ и будущей профессіи дѣвочекъ. Система дежурствъ, какъ показалъ опытъ, не-

состоятельна: работа, при этихъ условіяхъ, такъ сказать, «не входитъ въ пальцы» и до слѣдующаго дежурства дѣти обычно успѣваютъ все переzapбыть. Кромѣ того, пока у дѣвочки есть къ дѣлу интересъ новизны, она работаетъ охотно; такъ, на примѣръ, первыя двѣ недѣли она великолѣпно топить печи, затѣмъ 2—3 мѣсяца отвратительно, и только когда научится понимать, что это ея обязанность, когда научится переломить свою неохоту, свою лѣнь,—она опять быстро и хорошо исполняетъ свое дѣло ¹⁾. У насъ «должности» постоянныя, такъ какъ исполняемая дѣвочкой работа есть не только помощь пріюту—но, въ то же время, и практическая подготовка къ избранной ею профессіи: поэтому будущія кухарки ходятъ за провизіей и стряпаютъ на пріютъ, горничныя—стираютъ и убираютъ комнаты, будущіи портнихи и бѣлошвейки работаютъ въ устроенной при пріютѣ мастерской; подъ руководствомъ опытныхъ учительницъ онѣ проходятъ полный курсъ кройки и шитья. Послѣдній годъ своего пребывания въ пріютѣ дѣвочка становится отвѣтственной мастерицей и самостоятельно принимаетъ и сдаетъ заказы.

Но, такъ какъ помимо профессиональной подготовки пріютъ ставитъ себѣ цѣлью и обще-житѣйскую, если можно такъ выразиться,—стремясь дать свѣдѣнія, которыя необходимы всякой женщинѣ,—то дѣвочки послѣднее лѣто передъ выпускомъ изъ пріюта стряпаютъ на кухнѣ, а зимою проходятъ воскресный курсъ въ кулинарной школѣ Гунстѣ; «кухарки» же лѣтомъ проходятъ курсъ кройки и шитья платьевъ и бѣлья, а послѣднюю зиму проходятъ полный кулинарный курсъ въ той же школѣ Гунстѣ, откуда имъ и выдается «аттестатъ на кухарку»...

Я упоминала уже, что всѣ пріютскія дѣла обсуждаются и рѣшаются мною сообща съ дѣтьми. Но въ виду того, что интересы и запросы различныхъ возрастныхъ группъ дѣвочекъ сильно разнятся, онѣ нашли удобнѣе раздѣлиться: старшимъ о своихъ дѣлахъ говорить отдѣльно, младшимъ—отдѣльно: такъ образовался «старшій комитетъ» и «средній комитетъ». У каждаго комитета свой секретарь, записывающій «протоколы засѣданій».

Но да не подумаетъ кто нибудь, что эти «комитеты» отголосокъ современной жизни, обезьянство, простое подражаніе засѣданіямъ

¹⁾ Въ Стокгольмѣ, въ образцовой «практической школѣ домоводства, система дежурствъ уже давно совершенно оставлена: дѣвочки три мѣсяца стряпаютъ, три мѣсяца убираютъ комнаты и прислуживаютъ у стола, три мѣсяца стираютъ и три мѣсяца работаютъ въ булочной; въ слѣдующіе года (курсъ школы трехлѣтній) отдѣлы повторяются въ той же постепенности.

старшихъ, съ которыми онѣ могли познакомиться во время засѣданій нашего Попечительнаго комитета въ помѣщеніи пріюта. Дѣти просто собираются поговорить обо всемъ, что ихъ интересуетъ, а записываютъ для тѣхъ, кто послѣ нихъ будетъ жить въ пріютѣ, чтобы «все лучше и лучше жилось», какъ онѣ говорятъ. Я считаю, что никакой пересказъ не дастъ такого яснаго представленія объ этихъ собраніяхъ, какъ сами «протоколы засѣданій», а потому привожу нѣкоторыя выдержки изъ нихъ ¹⁾.

Протоколы средняго комитета:

Описаніе 1-го засѣданія.

20-го іюня, во вторникъ, всѣ среднія дѣвочки собрались и рѣшили устроить комитетъ и записались въ общество, называемое *любители садоводства*.

Присутствующія въ членахъ комитета (слѣдуетъ перечисленіе именъ). Такъ какъ еще изъ маленькихъ двѣ дѣвочки—Настя Ш. и Лиза В. вели себя особенно хорошо и были аккуратныя, то ихъ тоже, какъ всѣхъ среднихъ большихъ, приняли въ члены комитета, а остальные дѣвочки, хотя онѣ гости, но все-таки должны помогать комитету и рѣшать всѣ дѣла сообща съ членами комитета и говорить могутъ, что имъ не нравится.

Всѣ дѣвочки, которыя уже записались въ члены, и уже стали побольше, то ихъ должны остальные маленькія дѣвочки слушаться. Потомъ весь комитетъ придумалъ для этого такую пословицу: «Что если любишь добро дѣлать, то и исполняй добро, но не зло».

Описаніе 2-го засѣданія.

23 іюля, въ пятницу, во второмъ засѣданіи первымъ долгомъ была похвала всѣмъ среднимъ дѣвочкамъ отъ Зинаиды Дмитріевны за то, что весь средній комитетъ очень дружно убираетъ садъ, который мы взялись убирать. Потомъ у насъ шелъ разговоръ о томъ, какъ назвать клумбу, которую мы убрали такъ хорошо. Весь комитетъ придумалъ эту клумбу назвать какъ бы душой и огонькомъ, а мы назвали эту клумбу потому такъ, что на этой клумбѣ было обложено камешками сердце, а посерединѣ земли, которая обозначала

¹⁾ Орфографія мною исправлена, текстъ приведенъ дословно.

душу, на ней была тоже обложена звѣзда, которая обозначала огонекъ, свѣтившійся у хорошаго человѣка. Еще кромѣ этого былъ разговоръ о томъ, что можно ли принимать взрослыхъ въ члены; на это комитетъ согласился взрослыхъ принимать, но только съ такимъ условіемъ, чтобы каждый мѣсяцъ водить куда-нибудь комитетъ, или рассказать имъ чтонибудь про цвѣты или про животныхъ, какъ за ними ухаживать, сколько разъ цвѣты поливать и чѣмъ животныхъ кормить...

И тѣмъ вотъ и окончилось наше засѣданіе, но опять все таки среднему комитету напомнили, чтобы всѣ старались.

25-го іюня, въ воскресенье, было тоже засѣданіе и опять была похвала, но похвала была не только за садъ, но даже и за комнаты, что среднія стали такъ хорошо убирать. И теперь даже среднія сами надѣются на себя, что онѣ могутъ смотрѣть и за домомъ, не только за садомъ... Чтобы смотрѣть за всѣмъ домомъ, надо сдѣлать какіянибудь украшенія, чтобы вездѣ въ комнатахъ было красиво, и вотъ для этого весь средній комитетъ придумалъ, что когда дается свободное время, то онѣ во время гулянья будутъ вязать кружева на занавѣси и еще при этомъ средній комитетъ обѣщался помогать старшимъ дѣвочкамъ, какъ только могутъ, и слушаться ихъ, чтобы З. Д. было со средними поменьше затрудненія. И вотъ такъ и кончилось наше очень интересное засѣданіе.

Въ пятомъ засѣданіи говорили о томъ, что сдѣлать съ двумя дѣвочками изъ комитетскихъ, которыя устроили такой срамъ на весь пріютъ, что не спросясь у Зинаиды Дмитріевны, на которую книжку покупали хлѣбъ и булки, эти дѣвочки двѣ, Х. и Т. взяли потихоньку отъ Зинаиды Дмитріевны и отъ всѣхъ дѣвочекъ покупали пирожное, на день 20 пирожныхъ и по дорогѣ съѣдали обѣ по десяти штукъ, и такъ онѣ ѣли незамѣтно почти мѣсяцъ; это сперва не знали, но когда надо было расплачиваться, то тогда увидѣли, что такъ много набрано пирожнаго. Зинаида Дмитріевна такъ какъ не подумала на дѣвочекъ, потому что ничего подобнаго не случалось никогда, а прямо подумала, что это приписали въ булочной; когда она пошла въ булочную, то тамъ тоже сказали, что они не приписывали, а приходили всегда покупать двѣ дѣвочки и говорили, что, пожалуйста, запишите пирожное на пріютъ. Зинаида Дмитріевна тогда очень разсердилась и, когда пришла, то это рассказала, и за это тоже весь средній комитетъ обидѣлся на Х. и Т. и очень пожалѣли Зинаиду Дмитріевну, что ей и такъ трудно, а тутъ еще пришлось доплачи-

вать за пирожное, и придумали такое наказанье, чтобы онѣ сами заплатили за пирожное сколько съѣли, то такъ какъ Х. очень бѣдная, то съ нея согласились взять меньшую плату, а съ Т. большую плату, а потому съ Т. большую плату, потому что она подговаривала Х. Вотъ о чемъ шло наше засѣданіе.

Первое наше засѣданіе въ Петербургѣ было о томъ, что я, секретарь Маня Тимофеева, отказалась отъ своей должности, а потому отказалась, что средній комитетъ сказалъ, что когда надо было писать засѣданіе, то я кривлялась и говорила, что не хочу писать. Это было конечно правда, потому что я иногда кривлялась, но я только не хотѣла сказать. Вотъ почему я не хотѣла быть секретаремъ, но потомъ все-таки я рѣшила, что надо раскаться, и я попросила прощенья и обѣщалась не кривляться, и тогда меня простили и разговоръ объ этомъ кончился и было рѣшено, что я опять буду исполнять свою должность, но только не кривляясь.

Во второмъ разговорѣ Зинаида Дмитриевна рассказала намъ о томъ, что вотъ ей предложили мѣсто въ цвѣточницы, куда можно отдать одну дѣвочку изъ среднихъ, и вотъ Зинаида Дмитриевна спросила, кого среднія выбираютъ; среднія тогда отвѣтили, что онѣ выбираютъ Иришу и просятъ ее только тамъ стараться и не слушать никакихъ глупостей, а подумать только о томъ, чтобы какънибудь не осрамить наше семейство. Ириша пообѣщалась стараться и мы все ей повѣрили.

Потомъ Зинаида Дмитриевна спросила, почему мы хотимъ, чтобы пріютъ нашъ ктонибудь не осрамилъ; тогда нѣкоторые отвѣтили, что потому онѣ хотятъ, чтобы шла слава про нашъ пріютъ, и чтобы онѣ могли послѣ научить хорошему всѣхъ людей, а нѣкоторые отвѣтили потому, чтобы не разсердить З. Д., такъ какъ она насъ учитъ всему и не осрамить ее.

Вотъ о чемъ шло наше очень непріятное засѣданіе и интересное.

Засѣданіе 4-го Декабря.

2-го Декабря у насъ состоялся дѣтскій праздникъ и базаръ и вотъ, когда мы были на праздникъ, то увидѣли, что ужъ очень былъ плохъ этотъ праздникъ, и что денегъ за него совсѣмъ мало получится. Послѣ базара вечеромъ З. Д. устроила обоимъ комитетамъ засѣданіе, что базаръ вышелъ очень неудачный и что общество вѣрно закроетъ пріютъ, потому что денегъ совсѣмъ нѣтъ, и вотъ Зинаида Дмитриевна предложила, кто куда хочетъ уйти: въ богатый ли пріютъ или въ

ученье, тогда тамъ въ богатомъ пріютѣ будутъ хорошо кушать и меньше работать и богаче одѣвать и богаче жить. Тогда дѣвочки отвѣтили, что онѣ лучше будутъ съ чаемъ черный хлѣбъ вмѣсто булокъ ѣсть, и безъ сахару пить и лучше на чердакѣ жить, но, чтобы всѣ вмѣстѣ и работать много, даже ночью, но только не хотять чтобы ихъ семья разошлась. И всѣ рѣшили, что онѣ хотять, чтобы какъ была семья, такъ и была, а въ богатый пріютъ онѣ не хотять идти, маленькихъ отдавать не хотять, потому что онѣ будутъ и хорошо кушать, и богаче спать, но любить не научатся и потомъ мы рѣшили, что мы лучше сами воспитаемъ маленькихъ. Тогда Зинаида Дмитріевна сказала: «я тоже буду съ вами работать, чтобы достать денегъ сколько могу, чтобы мы жили вмѣстѣ, какъ всегда жили». Но только не знаемъ можетъ быть оттого, что мы стали бѣднѣе, но четверыхъ дѣвочекъ поменьше матери взяли, а двѣ побольше ушли на мѣста. И вотъ теперь насъ осталось 30 дѣвочекъ и мы думаемъ, что общество все-таки нашу семью то пожалѣетъ, распускать не будетъ, а другіе люди тоже пожалѣютъ и будутъ намъ заказы приносить, и что могутъ опять жертвовать и присылать денегъ на маленькихъ, чтобы только мы могли воспитать своихъ маленькихъ и чтобы мы могли научиться быть хорошими и могли бы послѣ научить другихъ хорошему. Потомъ одна дѣвочка спросила: отчего другіе—богатые пріюты, а у насъ денегъ нѣтъ ничего. Тогда Зинаида Дмитріевна сказала: «Что люди очень много денегъ давали на всякіе пріюты, но потомъ увидѣли, что они зря даютъ, что дѣти выходятъ изъ пріюта очень худые. И вотъ мы рѣшили, что мы такими не будемъ худыми, потому что мы считаемъ чужіе деньги тоже трудами и потомъ мы сами хотимъ быть хорошими, чтобы потомъ выйти изъ пріюта и научить другихъ быть хорошими и мы будемъ хорошими и на всегда, потому что мы не хотимъ, чтобы на насъ тратили зря трудъ, деньги и поэтому всѣ, которыя это обѣщаются, каждый своей рукой сюда подписались, чтобы навсегда запомнить.

Изъ засѣданій старшаго комитета.

Первое засѣданіе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ старшими дѣвочками было рѣшено открыть комитетъ, состоящій изъ 8 старшихъ дѣвочекъ и секретаря, который долженъ записывать дѣла, рѣшающіяся комитетомъ. Кромѣ членовъ

есть нѣсколько кандидатовъ, которыя тоже могутъ присутствовать на засѣданіяхъ. Комитетъ рѣшено устроить съ цѣлью порядка и особыхъ правилъ. На обязанности кандидатовъ помогать членамъ въ ихъ предпріятіяхъ.

На засѣданіи могутъ присутствующія предлагать вопросы и дѣла рѣшать сообща, а также должны всѣ быть равны между собою.

На первомъ засѣданіи было предложено нѣсколько вопросовъ:

1-й голосъ *Даріи Борисовой*: Почему дѣти объѣдаются и какія принять мѣры, чтобы этого не было.

2-й голосъ *Маруси Андреевой*: О порядкѣ на кухнѣ и по хозяйству, чтобы хорошо готовили и хорошо подавали.

3-й голосъ *Екатерины Ереминой*: О воспитаніи среднихъ и младшихъ дѣвочекъ.

4-й голосъ *Екатерины Богуцкой*: О порядкѣ въ группахъ и о бѣльѣ.

5-й голосъ *Пелагеи Ивановой*: Объ экономіи съѣстныхъ припасовъ и денегъ.

6-й голосъ: О расписаніи, чтобы день проводили по расписанію безъ всякихъ измѣненій.

7-й голосъ: О томъ, чтобы дѣвочки были всегда опрятны, прилично одѣты и вели себя хорошо

8-й голосъ: О томъ, чтобы каждая дѣвочка добросовѣстно исполняла свою обязанность, если она не добросовѣстно будетъ исполнять свою обязанность, то не будетъ состоять въ комитетѣ.

9-й голосъ *Зинаиды Дмитріевны*: О томъ, чтобы всѣ дѣла обязательно рѣшались комитетомъ, и чтобы никто изъ дѣвочекъ не говорилъ наединѣ о какойнибудь ссорѣ между дѣвочками.

Послѣ предложенныхъ вопросовъ, были избраны дѣвочки и каждой дана какаянибудь обязанность:

Екатеринѣ Богуцкой: Завѣдывать портняжной мастерской, завѣдывать хозяйствомъ въ смыслѣ экономіи.

М. Евдокимовой и Н. Лаврентьевой: дѣлить порціи и смотрѣть за столомъ.

Д. Борисовой: Завѣдывать аптекой и смотрѣть за больными.

М. Андреевой: Смотрѣть за порядкомъ во всей квартирѣ и назначать дежурныхъ; объяснять кройку.

А. Мухиной: Смотрѣть за тѣмъ, чтобы дѣвочки не разговаривали во время работы.

Е. Ереминой и П. Ивановой: заниматься со средними и младшими дѣвочками.

Не разъ поднимался мною на этихъ засѣданіяхъ вопросъ о нашемъ режимѣ, который отнюдь не можетъ считаться мягкимъ и во время нашихъ бесѣдъ по этому поводу выяснилась еще одна очень характерная и интересная черта. Право замѣчаній и даже наказаній у нихъ отнюдь не приурочивается къ извѣстному лицу, прерогативой котораго является надзирать, миловать или карать: оно принадлежитъ всякой замѣтившей проступокъ другой. Онѣ объясняютъ это такъ: разъ я замѣтила проступокъ другого, значить я въ тотъ моментъ выше и лучше провинившагося, слѣдовательно имѣю право сдѣлать замѣчаніе. И на практикѣ старшія дѣвочки зачастую выслушиваютъ замѣчанія даже младшихъ, такъ какъ вину свою сознаютъ, а кто указалъ не все ли равно. Онѣ не стѣсняются и мнѣ дѣлать замѣчанія, если найдутъ, что я поступила неправильно и бывало даже, приходилось сознаваться, что я «погрѣшила». Но на авторитетъ мой такое признаніе въ своихъ ошибкахъ нисколько не вліяло. Нѣтъ въ дѣтяхъ взгляда на проступки, какъ на что то постыдное: «со всякимъ бываетъ», и потому эти взаимныя указанія не носятъ характера обличительнаго, а являются простымъ проявленіемъ взаимопомощи въ дѣлѣ самоусовершенствованія. Такой же характеръ я стараюсь придать и выговорамъ, когда въ нихъ представляется необходимость. Вмѣсто нотацій провинившейся, я собираю всѣхъ дѣтей и рассказываю имъ сказку, въ содержаніи которой дѣтямъ не трудно уловить силуэтъ имѣвшаго мѣсто проступка; этимъ достигается двойная польза: въ сказкѣ, въ символѣ легко представить дѣтямъ въ понятной формѣ моральное значеніе проступка, очень часто затемненное въ ихъ представленіи житейской обстановкой факта, нерѣдко придающей ему ничтожный и незначительный видъ; впечатлѣніе отъ сказки получается само собою разумѣется несравненно болѣе сильное. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой методъ не вноситъ диссонанса въ общую атмосферу пріюта, такъ какъ «личнаго элемента» нѣтъ, нѣтъ и той карающей и милюющей руки, которая заставляеть дѣтей въ поступкахъ своихъ руководиться не извѣстными принципами, а желаніями, часто даже капризами «старшей».

Мнѣ приходилось не разъ слышать отъ дѣвочекъ, что отъ «надзирательницъ, какъ въ другихъ пріютахъ бываютъ» онѣ бы выговоровъ такъ не принимали—и опять характерное и логичное объясненіе: «надзирательницы сами ничего не дѣлаютъ, а наши старшія работаютъ сами цѣлый день, значить и съ насъ могутъ спрашивать».

И потому, если ктонибудь изъ старшихъ поздно вечеромъ замѣтитъ, наприимѣръ, что младшая, вмѣсто того чтобы вымыть посуду, засунула ее до утра въ какойнибудь укромный уголокъ, будить ее, младшая нисколько не въ претензіи; напротивъ смѣется: «нашихъ старшихъ не проведешь»—встаетъ, одѣвается и идетъ исправлять свою погрѣшность.

Все, что носитъ отпечатокъ пріюта,—изгнано совершенно. Нѣтъ вставанія по звонку, нѣтъ хожденія попарно, нѣтъ форменныхъ платьевъ, пелеринъ и капоровъ, и—не къ чести нашей—нѣтъ того выѣшняго порядка и тишины, какъ въ «настоящемъ» пріютѣ: въ то время какъ старшія шьютъ, маленькія ползаютъ по полу, сдвигаютъ все съ мѣста, рѣжутъ бумажки и неимоვნно соряютъ, причиняя вредъ репутаціи пріюта—этой бѣдной «Золушки» въ большой семьѣ Петербургскихъ благотворительныхъ учрежденій...

Но за то нѣтъ въ дѣтяхъ и того равнодушнаго унынія, которое сплошь и рядомъ заставляетъ сердце сжиматься при взглядѣ на пріютскихъ «*Musterkinder*». Нѣтъ безразличія другъ къ другу и къ окружающему. И какъ волнуется пріютъ, когда привозятъ особенно нуждающагося ребенка, а принять нельзя, нѣтъ мѣста, нѣтъ денегъ. Не разъ приходилось сдаваться на общую просьбу и «вопреки бюджету» принимать сверхштатныхъ: и чтобы хоть отчасти покрыть лишніе, вызванные этимъ расходы, дѣти иногда по нѣскольку мѣсяцевъ отказывались отъ сахару, замѣняли праздничные пироги кашей и т. д., и т. д. Есть у насъ дѣвочки, которыя этому обязаны жизнью: такъ, одна полуторалѣтняя, которую я и по уставу не имѣла права принять, была принята по неотступной просьбѣ дѣтей, которыя не могли успокоиться, узнавъ, что родители собирались продать ребенка нищему. Почти годъ она боролась со смертію: а около ея кровати день и ночь поочереды дежурили старшія; чтобы дать средства на молоко Нестле, какао, на соленыя сосновыя ванны, которыя приходилось дѣлать черезъ день—пріютъ работалъ по воскресеньямъ. Хотя доктора и признали ее при поступленіи безнадежно больной, она выздоровѣла, окрѣпла, развилась, и—надо ли говорить, съ какой любовью относится она теперь къ окружающимъ ее дѣтямъ. И этотъ случай въ пріютѣ далеко не единственный...

Пріютъ существуетъ уже шесть лѣтъ. Срокъ достаточный, чтобы можно было счесть создавшуюся обстановку—не случайностью, а естественнымъ слѣдствіемъ установившагося трудами самихъ дѣтей—я подчеркиваю это—режима. И мнѣ кажется, что, развивая дальше

то, что въ неполной и конечно далеко не совершенной формѣ намѣтилось въ практикѣ Ольгинскаго приюта,—мы выйдемъ на вѣрный и истинный путь, и сможемъ выработать типъ учрежденія, которое окажется на высотѣ великой задачи, поставленной дѣтской помощью. Мнѣ лично типъ такого учрежденія рисуется въ слѣдующихъ чертахъ.

Приютъ помѣщается за городомъ; зданія его построены по типу Cottage-System: рядъ отдѣльныхъ домиковъ и центральное зданіе, гдѣ помѣщается школа, мастерскія, общій залъ, дѣтскій садъ. Огородъ. Птичій дворъ. Цвѣтникъ—если возможно, паркъ. Если возможно—ферма.

Въ каждомъ домикѣ помѣщается «семья», изъ 10—12 дѣвочекъ и интеллигентной воспитательницы. Въ нынѣ существующихъ учрежденіяхъ, устроенныхъ по этому типу, населеніе «домика» обычно нѣсколько больше: такъ напримѣръ, въ Ольгинскомъ Дѣтскомъ приютѣ, состоящемъ подъ непосредственнымъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ, 20 человѣкъ; въ приютѣ Графини Даннеръ (въ Даніи) 15—20; приблизительно ту-же цифру даютъ англійскіе приюты. Но, если въ воспитательномъ отношеніи увеличеніе каждой группы не представляетъ неудобствъ, то въ смыслѣ практики въ домашнихъ работахъ желательна возможно меньшая численность семьи, такъ какъ въ противномъ случаѣ получится распределеніе работъ, весьма мало дающее надеждъ на полученіе необходимаго хозяйственнаго навыка.

Въ «Сиротскомъ городкѣ» Виліама Кваркера (Шотландія), устроенномъ по этому «семейному» типу, во главѣ каждого семейства имѣются «родители»—мужъ и жена. Врядъ ли нужна такая поддѣлка подъ семью. Болѣе того, мнѣ кажется, что она даже въ извѣстной степени отвлекаетъ ребенка отъ мысли братства безъ кровной связи, объ единствѣ по духу, а не по родству, которое должно ложиться въ основу воспитанія. И потому помѣщать въ каждую семью одну воспитательницу не только достаточно, но и лучше.

Обстановка домиковъ самая простая, но отнюдь не «казенная», въ предѣлахъ средствъ, которыми можетъ располагать средняя рабочая семья. Дѣти должны быть полными хозяевами въ своемъ помѣщеніи: пусть разставляютъ мебель, какъ нравится, пусть украшаютъ, какъ умѣютъ. Воспитательница должна только присматривать, чтобы не страдала отъ дѣтскихъ затѣй гигиена, да не было бы безвкусія, и, если случится, разъяснять дѣтямъ, почему такъ некрасиво, или почему такъ вредно. Можно заранѣе быть увѣренными,

что стараніями «хозяекъ» ихъ комнатки станутъ уютными и ужъ во всякомъ случаѣ не будутъ имѣть того тяжелого, казеннаго вида, который такъ удручаетъ дѣтей въ пріютахъ.

«Форменность» одежды представляется мнѣ совершенно излишней. Помимо вреда, который несомнѣнно оказываетъ на дѣтей надѣваніе съ дѣтства «мундира», шитье форменнаго платья требуетъ крупныхъ затратъ и закрываетъ возможность пользоваться весьма распространеннымъ видомъ пожертвованій, различными принадлежностями костюма. Послѣ соотвѣтственной дезинфекціи эти пожертвованія легко могутъ быть пригнаны въ мастерской самими же дѣвочками, доставивъ имъ, такимъ образомъ, еще весьма полезную практику.

Каждое утро дѣвочки сходятся изъ своихъ домиковъ въ центральное зданіе: маленькія—въ дѣтскій садъ, среднія—въ школу, старшія—въ мастерскія.

Дома остаются только «кухарки»—стряпать, такъ какъ обѣдаетъ каждая семья у себя въ помѣщеніи, отдѣльно.

Хотя при такой системѣ продовольствіе каждой отдѣльной семьи обойдется дороже, чѣмъ общій на весь пріютъ столъ, но въ смыслѣ практики для будущихъ кухарокъ несравненно выгоднѣе имѣть собственную кухню, чтобы самостоятельно съ начала до конца приготовить весь обѣдъ; кромѣ того и меню можетъ быть разнообразнѣе, такъ какъ вполне понятно, что сдѣлать, напримѣръ, ватрушки на 60 человѣкъ прямо невозможно, тогда какъ на 10—совершенно просто. Приготовление завтраковъ и обѣдовъ производится подъ приглядомъ и по указаніямъ особой учительницы, которая обходитъ въ теченіе дня всѣ кухни.

Работы дѣтей въ пріютѣ распадаются на двѣ группы: 1) работа въ мастерскихъ и 2) практическій курсъ домоводства.

Мастерскія имѣютъ цѣлью дать хорошую профессиональную подготовку, причемъ дѣло должно быть поставлено такъ, чтобы учащіеся хотя бы отчасти окупали свое содержаніе личнымъ трудомъ; и если дальность разстоянія отъ города препятствуетъ принимать заказы, то всегда можно имѣть въ городѣ магазинъ готового платья и бѣлья.

Курсъ домоводства, помимо подготовки опытной прислуги, имѣетъ цѣлью научить дѣтей улучшать питаніе и способствовать благосостоянію семьи, не выходя изъ средней нормы обычнаго рабочаго заработка,—путемъ бережливости, правильнаго употребленія пищевыхъ

продуктовъ, лучшаго ухода за дѣтьми и больными и сознательнаго отношенія къ обязанностямъ матери и хозяйки. Важность подобныхъ курсовъ, подчеркнутая еще въ 1889 г. постановленіемъ рабочей комиссіи въ Бельгіи, поставившимъ ихъ въ ряду мѣръ, могущихъ «наискорѣйшимъ образомъ послужить къ улучшенію нравственнаго и матеріальнаго положенія рабочей среды», блестяще оправдывается практикой бельгійскихъ и германскихъ школъ домоводства.

Какъ одно изъ самыхъ отраднѣйшихъ послѣдствій широкаго развитія этихъ школъ нужно указать на несомнѣнно стоящее въ связи съ нимъ уменьшеніе смертности дѣтей.

Программа курса домоводства, обязательнаго для всѣхъ воститанницъ, къ какой-бы дѣятельности онѣ ни готовились—сводится къ слѣдующему: 1) уборка и поддержаніе чистоты и порядка въ домѣ, 2) стирка и глаженье бѣлья, 3) кройка и шитье носильнаго платья и бѣлья, и,—особенно,—всякаго рода штопки и починки, 4) простѣйшая кухня, 5) уходъ за ребенкомъ.

Составъ семьи обезпечиваетъ старшимъ практику ухода за дѣтьми дошкольнаго и школьнаго возрастовъ. Для ознакомленія же съ уходомъ за самыми маленькими дѣтьми въ высшей степени желательно устройство при приютѣ яслей.

Ни работѣ въ мастерскихъ, ни занятіямъ домоводствомъ отнюдь не слѣдуетъ придавать характера *учебныхъ* занятій. И то, и другое должно *войти въ жизнь* дѣтей. У нихъ должна быть радость къ труду, а для этого каждая работа должна имѣть совершенно опредѣленную, ясную и близкую имъ цѣль. Съ первыхъ же шаговъ необходимо приучать ребенка, чтобы каждое его дѣйствіе, тѣмъ паче каждая работа имѣла опредѣленный смыслъ. Но для этого трудъ съ самаго начала долженъ быть систематичнымъ и отвѣтственнымъ. Это тѣмъ легче, что дѣти несомнѣнно питаютъ нерасположеніе къ работамъ, смысла и цѣли которыхъ они не понимаютъ: часто даже къ прогулкамъ они относятся очень несочувственно; также приходится отмѣтить «природное» нерасположеніе дѣтей къ гимнастикѣ, смысла которой они какъ то не усваиваютъ...

Поставленные такимъ образомъ работы въ мастерской и дома играютъ важнѣйшую роль въ созданіи той атмосферы «трудовой семьи», той обстановки, въ которой должны воспитываться дѣти. Воспитываютъ не отдѣльныя лица, а именно обстановка.

«Воспитывать», говоритъ уже цитированная мною Эленъ Кей, это значитъ создать воспитательную обстановку, ватѣмъ предоставить

природѣ помогать самой себѣ,—и только слѣдить за тѣмъ, чтобы все окружающее поддерживало работу природы». И къ созданію такой обстановки—обстановки трудовой семьи, должны быть направлены всѣ усилія воспитательницъ.

Это не легкое дѣло. И никакихъ шаблоновъ заранѣе заготовить для этого нельзя. Много поможетъ близкое знаніе дѣтей, вошедшихъ въ руководимую семью, знакомство съ ихъ прошлымъ и съ ихъ личными качествами, наклонностями и недостатками; поэтому, уже при приѣмѣ, долженъ быть составленъ *анамнезъ* новой питомицы пріюта, и чѣмъ подробнѣе онъ будетъ составленъ, тѣмъ больше онъ намъ дастъ руководящихъ нитей. Этотъ анамнезъ будетъ систематически пополняться во время пребыванія ребенка въ пріютѣ.

На первый планъ выдвигаются въ данномъ случаѣ личныя качества воспитательницы, требуется умѣніе понять ребенка, стать съ нимъ вровень, потому что «только тотъ, кто можетъ играть съ дѣтьми, можетъ научить ихъ чему нибудь» (Сталь); необходима чуткость, чтобы понять ребенка и не сдѣлать ему больно: *wer Kinder ernst nehmen will, muss innerlich fein sein*», говоритъ тонкій знатокъ дѣтской души Вильденбрухъ; слишкомъ часто упускаемъ мы изъ виду, насколько ребенокъ чувствительно реагируетъ на то, что съ нашей точки зрѣнія совершеннѣйшій пустякъ—и пустякъ этотъ оставляетъ глубокіе, иногда неизгладимые слѣды;—воспитатель долженъ подойти къ ребенку съ открытой и любящей душой, и «взять его душу въ свои руки», труднѣйшая изъ задачъ, достижимая только простотой, искренностью и полнымъ отсутствіемъ того, что Ж. Ж. Руссо такъ язвительно и такъ мѣтко назвалъ «неистойвой мудростью воспитателя». И наконецъ, необходимы знанія, дающія возможность отвѣтить на любой изъ вопросовъ, которые такъ охотно задаютъ свободно развивающіеся дѣти. Но главное и самое существенное—это та черта, которую Л. Толстой считаетъ «общей и главной чертой хорошей жизни» и называетъ «стремленіемъ къ совершенствованію въ любви»; «вотъ это самое», говоритъ онъ, «если есть въ воспитателяхъ и если этимъ заразятся дѣти, то воспитаніе будетъ не дурное»—и тогда мы можемъ спокойно и радостно отпустить ихъ въ жизнь. Требованія на первый взглядъ безгранично велики. Но вѣдь велико и само дѣло. И несмотря на всю высоту требованій, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что много и много найдется людей, которымъ безъ страха можно будетъ вручить это отвѣтственное дѣло. Но надо имъ создать возможность работать.

Надо поднять матеріальную обстановку приютскихъ воспитателей настолько, чтобы стало возможнымъ удовлетвореніе не только физическаго голода, но и тѣхъ духовныхъ потребностей, которыя неизбежно должны существовать у человѣка, стоящаго на высотѣ великой воспитательной задачи. И надо обезпечить имъ спокойную, безъ случайныхъ и вредныхъ постороннихъ вмѣшательствъ, работу, поставивъ прежде всего приюты въ матеріальномъ отношеніи внѣ существующей «крѣпостной зависимости» отъ жертвователей. Не случайнымъ добрымъ порывамъ отдѣльныхъ лицъ, не любезности предсѣдательницы и дамъ патронессъ, не вымоленной помощи должны быть обязаны спасенныя для жизни дѣти—а организованной общественной помощи: помощь эта—не благодареніе, а долгъ. И созданіе ея будетъ первымъ шагомъ къ внесенію «духа живого» въ теперешній «мертвый приютскій домъ».

З. Масловская.

